

УДК 811.161.1

ЯЗЫК НОВГОРОДСКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ КАНОНИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ

© Геннадий Николаев

THE LANGUAGE OF THE NOVGOROD BIRCH-BARK DOCUMENTS OF CANONICAL CONTENT

Gennady Nikolaev

The Novgorod birch-bark documents of canonical content make up a small part of overall charters on birch-bark, which does not diminish their importance for the history of the Russian literary language. They provide a visual example of interaction between the folk-spoken and the Slavic-bookish origins in the history of the Russian literary language as they combine the form of the business genre and the content of a canonical character. This interaction manifests itself in all parts of the language system: phonetic, morphological, lexical and word-formative ones. The research into the above-mentioned interaction is of particular importance in the studies of history of the Russian literary language. The scientific novelty of the research lies in the fact that, unlike the existing views on the unilateral influence of the Slavic-bookish language on the Old Russian, it shows the influence of Russian folk-spoken language forms on the Church Slavonic language of the canonical manuscripts.

The research results demonstrate that substantive word-building, performing a basic text-forming function, is of particular importance to the genre and stylistic characteristics of the ancient texts. The documents of canonical content are characterized by a mismatch of genre and text. This contradiction manifests itself in the language characteristics of these documents, above all, in a certain ratio of bookish and colloquial forms both in the system of derivative substantive words and in the phonetic and morphological correspondences.

Keywords: Novgorod birch-bark documents, canonical content, business style, specificity of the language, phonetics, morphology, word formation.

Новгородские берестяные грамоты канонического содержания составляют небольшую часть от общего числа грамот на бересте, но это не преуменьшает их значения для истории русского письменного языка. Соединяя в себе форму делового жанра и содержание канонического характера, они дают яркий пример взаимодействия народно-разговорного и славяно-книжного начал в истории русского литературного языка. Это взаимодействие проявляется по всем сторонам языковой системы: фонетической, морфологической, лексической и словообразовательной. Исследование указанного взаимодействия относится к разряду актуальных в науке об истории русского литературного языка. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем, в отличие от существующих решений об одностороннем воздействии славяно-книжного языка на древнерусский, показано влияние русских народно-разговорных языковых форм на церковнославянский язык канонических грамот.

В результате было установлено, что особое значение для жанрово-стилистической характеристики древнерусских текстов имело субстантивное словообразование, несущее на себе основные текстообразующие функции. Было выявлено также, что грамоты канонического содержания характеризуются противоречием жанра и текста. Это противоречие раскрывается в специфике языка данных грамот, и прежде всего в определенном соотношении книжных и разговорных форм как в системе производных субстантивных слов, так и в сфере фонетических и морфологических соответствий.

Ключевые слова: новгородские берестяные грамоты, каноническое содержание, деловой жанр, специфика языка, фонетика, морфология, словообразование.

Открытие в июне 1951 года новгородских берестяных грамот стало самой большой сенсацией в мире славянской археологии XX века. В руки специалистов попали документы, раскрывающие

неизвестные ранее подробности жизни древних новгородцев. Особое значение эти грамоты имеют для историков языка, так как их язык ближе всего к разговорному языку того времени. Гра-

моты включают частные письма, записки, расписки, счета и т. п., то есть отражают частную бытовую жизнь новгородцев и представляют особый тип деловой письменности. В настоящее время число найденных грамот превышает тысячу экземпляров.

Среди новгородских берестяных грамот есть и грамоты канонического содержания. Их немного, чуть более двух десятков, но они весьма показательны в плане их языковых характеристик. Конечно, наименования реалий, связанных с религией и церковью, встречаются и в светских грамотах. Авторами грамот были русские православные люди, поэтому нередко в письмах, в которых сообщали о своих заботах, желаниях, надеждах, они обращались к богу, богородице, святым. Так, три грамоты содержат только одну фразу: *ги помози рабѣ своимѣ* (№ 203, 329 и 330)¹. Правда, в первой из них указан и мольщик – это мальчик Онфим. Найдено несколько грамот этого маленького новгородца середины XIII века, в том числе отрывок из псалтыри, грамоты с рисунками и даже берестяная записная книжечка. Итак, в грамоте № 203 написано: *ги помози рабѣ своимѣ он-ѡнѣмѣ*.

Часто в грамотах встречаются устойчивые формулы с упоминанием бога: *бога дасть* (или *дан*) – № 48, 481, 497, 944 и др.; *бога дѣла* (бога ради) – № 244, 283, 296, 474, 839, 850 и др.; *рабѣ бжнѣ* – № 42, 138, 519; *божеа вола* – Пск. № 6; *б(о)га са волаць* – № 548, 881 и др. Вот некоторые текстовые примеры: *а роже како възвѣди бо дасть ловѣ* (№ 481) – ‘а как взойдет рожь, бог даст улов’; *да и овамо радости* (№ 497) – ‘дай бог вам радость’; *пособи ба дѣла по сиротахъ* (№ 283) – ‘помоги, бога ради, сиротам’; *а водан и бога дѣла .е. гривнѣ* (№ 296) – ‘а подай хотя бы и бога ради гривен пять’.

Сочетание *раб божий* встречается в нескольких грамотах. Все они по содержанию являются завещаниями, в которых данное сочетание являлось обязательной формулой. До нас дошло пять завещательных грамот. Наиболее показательным является завещание Михалѣ (грамота № 42 конца XIV века): *въ имя оца и сына и свѣ(т)го д(х)а се азъ (ра)бѣ бжнѣ михалѣ. ѿхожда живота сего пишу рѣкописаник при своимѣ животѣ. что ми ковила(ъ)ке и .в. рѣбла вѣдатиса бра(т)ни мои..* – ‘Во имя отца и сына и святого духа. Вот я раб божий Михалѣ,

отходя от сей жизни, пишу завещание при своей жизни. Что касается моих кобылок и двух рублей, то производить расчет братьям моим...’ [Зализняк, с. 619]. Завещание составлено в полном соответствии с существующими тогда стандартами. По этому трафарету составлялись завещания даже великих князей Московских (Дмитрия Донского и др.). Все завещания в берестяных грамотах представляют типичный деловой документ. Они состоят из двух частей – начальной церковнославянской формулы и собственно русской части, в которой сообщается, кому и что завещается.

Своеобразно используются наименования христианских праздников в тексте грамот: они являются своего рода временными вехами в календаре древних русичей, на которые они ориентируются в своей жизни и трудовой деятельности: *а то са дналось седнѣ во велики днь* (№ 154) – ‘Это происходило сегодня, на Пасху’ [Там же, с. 672]; *пошли во лугѣ ко илину дню* (№ 134) – ‘пошли в Лугу к Ильину дню’ и др. [Там же, с. 600]

Можно и дальше разбирать деловые грамоты на бересте, использующие церковные формулы. Но нам интересны те документы, содержание которых целиком имеет церковный характер. Как уже отмечено, число таких актов составляет два десятка. Это грамоты № 128, 204, 206, 207, 331, 382, 419, 462, 507, 518, 652, 653, 674, 715, 727, 734, 884, 916, 930 и грамота из Торжка № 17. Они выявлены и описаны А. А. Зализняком. Ученый провел исследование их содержательной стороны, фонетико-графических и морфологических черт грамот и составил отдельный словоуказатель к этим грамотам, который включает 240 титульных словоформ. Поскольку словоуказатель представляет сплошную выборку словоформ, то, естественно, в него включены и те словоформы, которые встречаются и в грамотах светского содержания. Совпадает около 90 лексем. В первую очередь это слова, стилистически не окрашенные, служебные (предлоги, союзы и частицы), а также местоимения: *а, да, и, нѣ, та жь, въ, до, изъ, ты, нашъ, менѣ* и др. Показательно, что меньше всего совпадений мы имеем в сфере субстантивов. Это лишний раз подтверждает, что именно существительные в древнерусском языке несли текстообразующую функцию и были основным языковым средством, оформляющим жанрово-стилистические характеристики древних текстов. Особенно четко это просматривается в производных субстантивах.

Грамоты как документы делового содержания имеют свои языковые средства и законы текстопостроения. Грамоты церковного содержания

¹ Текстовые примеры из новгородских берестяных грамот с указанием номера грамоты даются по изданию: Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004.

(берестяные и не берестяные) характеризуются противоречием жанра и текста. В них, можно сказать, наблюдается верховенство текста над жанром.

Это противоречие раскрывается в языке данных грамот. В исследовательской литературе эти грамоты квалифицируются как написанные на церковнославянском языке [Зализняк, с. 823]. Мы считаем необходимым рассмотреть язык грамот церковного содержания и вынести свое решение по этому вопросу. Для этого мы должны остановиться на фонетических, морфологических, лексических и словообразовательных характеристиках их языка и сравнить его, где появится необходимость, с языком грамот светского содержания.

То, что среди новгородских берестяных грамот есть грамоты на церковнославянском (или славяно-книжном) языке, факт весьма показательный, говорящий о том, что древние новгородцы владели этим языком (или стилем) и писали на нем с редкими «ошибками». Эти «ошибки» представляют чаще черты живого восточнославянского языка и древненовгородского диалекта этого языка. Сильнее всего влияние живого языка на книжный проявилось в области фонетики.

Яркой фонетической чертой новгородского диалекта является смешение фонем *ц* и *ч*, так называемое «цоканье» и «чоканье». Почти все грамоты церковного содержания несут на себе эти следы: *цьсть* вместо *чьсть*, *цто* вместо *что* (№ 916), *царотвореник* вместо *чаротвоеник* (Торж. № 17), *лице* вместо *лице* (№ 207), *трасавиче* вместо *трасавица* (№ 715) и др.

Известен целый ряд фонетических отличий книжного и бытового русского языка. В первую очередь речь идет о полногласной и неполногласной лексике. В языке церковных новгородских берестяных грамот употребляются в абсолютном большинстве случаев неполногласные формы: *вражда* (Торж. № 17), *вражий* (№ 674), *врѣмѧ* (№ 652), *гласъ* (№ 674), *пламанъ* (№ 930), *срамота* (№ 916). И только в одном случае можно говорить о полногласии: это в наименовании святого *Волосъ* (церковное имя *Власни*) (№ 914). Возможно, это русская реакция на церковнославянскую неполногласную форму. Считается, что на Руси имя этого святого восходит к имени языческого бога *Велес* (*Волос*). Ср. употребленную в грамоте № 930 форму прилагательного *простовласыхъ*. Кстати, есть все основания полагать, что к этому времени полногласие и неполногласие были не фонетическим, а лексическим явлением (как, например, и в современном русском языке).

Рефлексы сочетаний **tj*, **dj* в церковных грамотах традиционны (стандартны) для книжных текстов – *щ* и *ж*: *хощеши* (№ 652), *осужение* (Торж. № 17), *рожьство* (№ 913), *стужение* (№ 674); редким исключением в этом случае является написание *ѡхожда* в завещании Михалы (см. выше); *щ* отмечается в суффиксах причастий и др.

Поведение редуцированных гласных в церковных грамотах отражало их состояние в языке и других текстах, в частности, в берестяных грамотах светского содержания. Живая разговорная струя проявилась в том, что во всех текстах отражены гласные вставки в сочетаниях согласных. Например: *ароханело* (№ 715), *конодако* (№ 727), *варъварѣ*, *дмитрюю* (№ 913), *маръѡы* (№ 914), *марѡу* (545) и др. В форме *м[ь]р[ь]твыхо* (№ 727) отражено еще одно живое явление новгородского диалекта, связанное с вставочной гласностью, – «второе полногласие».

И, наконец, рефлексы напряженных редуцированных: часть из них представлена в восточнославянских вариантах, часть – в южнославянских. Примеры: русские варианты – *възвженье*, *обрѣзанье*, *крщенье*, *дмитрюю* (№ 913), *прекословее*, *злосердее*, *пелнесво* (Торж. № 17) и др.; ср. в формуле *азъ товѣ цолом бѣю* (№ 243, 931); церковнославянские варианты – большинство слов на *-ние* (*непокорение*, *осужение*, *рѣзонманне* – Торж. № 17) и др.

Рефлексы общеславянских групп типа **tʃrt* в новгородских берестяных грамотах только восточнославянские, впрочем, как и в других книжных памятниках, язык которых испытал большое влияние со стороны древнерусского языка. Это влияние чаще отмечается именно в фонетике. Ср.: *гордосте* (Торж. № 17), *дѣ(ржа)ща* (№ 930), *долговъ* (№ 128), *злосердее* (Торж. № 17).

Своего рода паритет между русскими и славянскими формами имеется в словах с начальными *к* / *о*: *кдинно* (№ 419), *ксифо* (№ 916) – *овдотне*, *олисел* (Смол. 5/7).

Как видим, славяно-книжный язык новгородских берестяных грамот церковного содержания фонетически был очень близок к живым производным нормам того времени. А. А. Зализняк писал, что «церковно-литературный текст, проникая в бытовую среду, переписывается по бытовой орфографии» [Зализняк, с. 465].

Морфология была более устойчивой к взаимодействию двух сфер литературно-письменного языка. В основном это касалось склонения мягкоосновных существительных и прилагательных. Так, в тексте одной грамоты № 715 (XIII в.) встречаются две формы родительного падежа

единственного числа женского рода – русская *трасавиче* (ѣ на месте ѣ) и церковнославянская *свѣтъѣ богородичѣ*. Грамота представляет собой заговор от лихорадки: *избави раба (бо)жеа михеа трасавиче молитвами свѣтъѣ богородичѣ*. Встречаются и другие подобные случаи.

Вызывают интерес функциональные особенности местоимения первого лица един. числа. По содержанию церковных текстов его не должно быть много в них. И действительно, в церковных грамотах отмечено только два случая употребления этого местоимения – к сожалению, в кратких фрагментах. Ясно только, что они употреблены в южнославянской форме *азъ* (№ 884), *азо* (№ 331). В основном местоимение это встречается в грамотах светского содержания, при этом встречается в трех синонимичных формах: *азъ*, *азъ* и *а*. Нас более всего интересует употребление церковнославянского местоимения *азъ* в бытовых текстах. Всего эта форма употреблена 10 раз. В пяти случаях она встречается в устоявшейся формуле завещания: *во имя оца и сна и стога духа се азъ раба бжѣа марна ѿхода се го свѣта пишу рѣкописаник при свомѣ животѣ приказываю* (№ 692, нач. XV века). В. М. Марков установил, что в русских текстах форма *азъ* используется в тех случаях, когда на нее падает логическое ударение [Марков] И в берестяных грамотах можно видеть нечто напоминающее этот вид интонации, особенно в случаях типа *азъ товѣ цоломѣ бѣю*. Ср. также: *азъ осподинь коню* (№ 305) и т. п. А. Зализняк считает, что в текстах, возможно, было *а азъ*, а затем произошло графическое стяжение (ср.: *безаконик*).

Наибольшее отличие церковных новгородских берестяных грамот от бытовых наблюдается в сфере лексики и словообразования. Это не случайно, так как именно эти стороны языка связаны с содержанием текста и текстообразованием. По содержанию канонические грамоты содержат отрывки из псалтыри, из слова Кирилла Туровского о премудрости, отпусты литургии, записи отрывков из стихир, а также обереги (амулеты, талисманы), поминальные записи, молитвы. Вот одна из молитв: *въ врѣма живота мога не остави мене..не пороучи мене нѣ сама..твори же зижителю избавителю помилуѣи кгда хоцещи ма испытати..* (№ 652, к. XII – н. XIII вв.).

В этих грамотах собраны все имена существительные с суффиксами *-тель*, *-ство*, большинство сложных слов и имен с суффиксом *-ние*. Бросается в глаза, можно сказать, почти полное

отсутствие в тексте грамот церковного содержания производных субстантивов со значением лица (исключения: *зижитель*, *избавитель*, *творецъ*, *богородица*, а также субстантиваты – *мертвыи*, *оканыи*, *свѣтъи*). Названия лиц здесь передается непроизводными словами: *ангелъ*, *архангелъ*, *богъ*, *господь*, *дѣва*, (но – *дѣвница*), *крен*, *мати*, *отець*, *попъ*, *рабъ*, *сынъ*, *царь*. В этом ярко проявляется специфика текста грамот. Как и в том, что основное количество производных субстантивов обозначают здесь действие и (в меньшей мере) качество. Основными оформителями значения действия служат суффикс *-ние* (14 слов) и нулевой суффикс (22 слова). Качество оформляют суффиксы *-ость*, *-с(т)во*, *-ие*, *-ть* (*зависть*, *ненависть*, *страсть*, *честь*), *-ота*.

Показательно соотношение в языке грамот церковного содержания образований нулевой суффиксации и имен с суффиксом *-ние*. Это соотношение весьма значимо для языка грамот. Скорее всего, именно в нем раскрывается, в частности, то противоречие между жанром и текстом, о котором указывалось выше.

Но это противоречие снимается, если оставить в стороне как не соответствующее реальному мнению о том, что бытовые новгородские берестяные грамоты написаны на русском языке, а церковные – на церковнославянском. Не много ли для древнего новгородца двух языков? В одном из выступлений В. М. Марков сказал примерно следующее: вряд ли кто будет сомневаться, что язык В. В. Маяковского – это современный русский литературный язык. Но вряд ли кто из русских будет что-нибудь писать (письмо или заявление) на этом языке. Это высказывание ученого можно экстраполировать и на языковую ситуацию Древней Руси, когда речь заходит о наличии в ней двуязычия или диглоссии.

Мне хочется завершить статью словами А. А. Гиппиуса, представляющего письменный язык Древней Руси «в виде единого лингвофункционального континуума, простирающегося между двумя полюсами – восточнославянскими диалектами и церковнославянским языком» [Гиппиус, с. 49].

Список литературы

Гиппиус А. А. «Русская Правда» и «Вопрошание Кирика» в Новгородской Кормчей 1282 г. (К характеристике языковой ситуации Древнего Новгорода) // Славяноведение. 1996. № 1. С. 48–62.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

Марков В. М. Об употреблении местоимения *азъ* в русском литературном языке XV–XVII столетий //

Вопросы синтаксиса русского языка. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1965. С. 288–296.

References

Gippius, A. A. (1966). «*Ruskaia Pravda*» i «*Voproshanie Kirika*» v *Novgorodskoi Kormchei 1282 g.* (*Kharakteristike iazykovo situatsii Drevnego Novgoroda* [“*Russkaya Pravda*” and “*Voproshanie Kirika*” in the Novgorod Kormchaya of 1282 (On Characterization of the Linguistic Situation in Ancient Novgorod)]. Slavi-

anovedenie, 1996, No. 1, pp. 48–62 // *Slavic studies*, 1996, n. 1. – P. 48–62. (In Russian)

Markov, V. M. (1965). *Ob upotreblenii mestoimeniia az” v russkom literaturnom iazyke XV-XVII stoletii*. [On the Use of the Pronoun азъ in the Russian Literary Language of the 15th-17th Centuries]. *Voprosy sintaksisa russkogo iazyka*. Pp. 288–296. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta. (In Russian)

Zalizniak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialect* [The Old Novgorod Dialect]. 872 p. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian)

The article was submitted on 12.05.2016
Поступила в редакцию 12.05.2016

Николаев Геннадий Алексеевич,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18
gnikolaevksu@mail.ru

Nikolaev Gennady Alexeevich,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
gnikolaevksu@mail.ru